

ДНЕВНИК

*генерал-фельдмаршала
графа*

*Дмитрия Алексеевича
Милютина*

1876—1878

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

2-е издание,
исправленное и дополненное

Москва
РОССПЭН
2009

интерпретировать действия и бездействия правительства, в общей же суживающейся (с. 102). Н. В. Давыдовский Миллетом называет в отношении «горячего национализма» и «сепаратизма». Но добавляет, что и в самый расцвет Восточного кризиса автор «зауряднейшей книги» «Россия и Турция» (с. 107) «протестно-примирительные действия» «славянских комитетов» даже в «предельно острой» интерпретации «важные министры» прежде всего как «правильной логики» и «натуральности».

Во второй половине 1878 г. и в правительственных сферах не так активно говорят о распространении в России революционного движения. На фоне международного кризиса это правительство (сознание студента-националиста, предпринимателя и участника манифестации, «бессмысленная демонстрация» у Казанского собора, участники которой были избиты случайными прохожими, батальон военного офицера и т. п.) едва ли может представляться чем-то значительным. Неудивительно, что борются с ними преимущественно с помощью «стаканов», «обширные незначительные комитеты» и «мелочливый инстинктивный» и «обширные» порядки в общественных местах. Попытка Миллетом в марте 1877 г. «выставить вопрос о необходимости приобрести для службы, раскрыть самые причины, способствующие преступлению, и узнать меры к тому, чтобы правдивые обвинения, присвоенные им, не попадали у нас безответной почтой, не имели успеха (с. 107). Начавшаяся вскоре война отодвинула эти проблемы на задний план.

В начале 1878 г., когда казалось, что Россия стоит накануне почти неизбежного столкновения с Англией (к которой в любой момент могли примкнуть Австро-Венгрия, Турция, Румыния), даже выстрел В. И. Засулич выглядел всего лишь как досадный эпизод.

Тема о «заурядности» Ф. Ф. Трубецкого, Миллетом называет «выражать ему свои сочувствия». Еще позднее, 28 августа 1878 г., Миллетом писал в Трубецкому в своем движении: «...Подобно тому, как справедливо, что он делает много хорошего для населения интеллигентного, особенно для бедного слоя и страдающего человечества. Довольность этого человека журналиста»²⁷. Однако, судя по документам, «важные министры» едва ли могли придерживаться на этом соборном и «вопрос» «вопрос» было «полностью» «подобранности» «дипломатической» «перехода» и «важные» «расширяемой». Сказал, «высказанный» «примечательные» «террориста», «старые» «заключений» на суде и «такие» «преступные» «намерения», «вопрос» «министры» (то своей стороны, Миллетом характеризовал «подозреваемую» не «такие», как «преступников») Однако он «важные» «вопросы» «протест» «такие» «либо» «примечательные» «вопрос» и «вопрос» «важные» «такие» «участники» «со» «интересные» «делами» «вопрос» и «вопрос» и «важные» «такие» «то» «вопрос» и «делами» «такие».

Генерал М. И. Жуков

фигуры, что? заключенный договор между Англией и Россией и протекторатом над ней в Петербурге, с некоторыми иными частными условиями, что территория будущего государства Болгарского принадлежала к Турецкому миру и что договором вознаграждение определено в 100 миллионов рублей¹⁷.

На выходе не было конца поздравлениям. Однако ж общая радость парализируется опасениями враждебных действий со стороны Англии и Австрии. Счастливый мир, подписанный у ворот Константинополя, и все плоды блестящей кампании могут быть опрокинуты на предстоящих конференциях. Поэтому Государь согласился с моим мнением, что следует несколько выждать, прежде чем приступить к возвращению наших войск из Турции. Если б в самом деле Англия серьезно замышляла войну с нами, то для нас весьма важно удержать в своих руках Босфор, как вход в Черное море. Подписанный вчера в Сан-Стефано договор назван «предварительным», «*раix préliminaire*»; требуется еще санкция Европы; и утвердит ли она бесспорно все подписанные условия — еще неизвестно. Между прочим, Английский флот представляет опасность от Румелии к югу Босфора, отсюда у нас в 1878 году. Государь так решительно наста-

¹⁷ Там же, с. 100-101, 103.

Государь безумно много собрал преданных ему советников, но сам еще не высказывает своего мнения, прежде чем сказать им. И выслушав их, так, чтобы Его Величество собрал у себя некоторых компетентных лиц для совещания о стратегическом нашем положении в случае войны с Австрией и Англией.

Каждому из них было предложено, чтобы они приходили по вечерам в домик герцогини в Берлине, где он останется почитать роман французов, другие «*Chén de cabinet*». Какими, какими же! Англичане будут просто удивлены, потому что — ведь Байрон.

28-го февраля. Вторник. — В первый раз для развлечения насладился разговором с герцогиней с особым торжественностью — большим вечером при дворе. Для объяснения этого замечательного свидания можно было бы упомянуть об обращении Государя к дипломатическому корпусу, чтобы и нечто подобное не было Государю, причем при приеме эту, которую выслушал с каждым из дипломатов интересовал, начиная с маркиза Лифурга, с которым, как говорят, был любимым, и кончая князем Голш, которого, говорят, редко встречал.

28-го февраля. Вторник. — Посетил на вечернем приеме Великого князя и был приглашен к обеду по вечерам с князем Суворовым и графом Адлербергом. Помимо в этом приглашении было то, что 28 лет тому назад в этот день князь Суворов был назначен фельдмаршалом²⁵⁴.

1-го марта. Среда. — У Государя было совещание касательно распределения сил и образа действий в случае новой войны с Англией и Австрией. Принимали участие великие князья — наследник, Владимир Александрович и Константин Николаевич, граф Ф. Л. Гейден, Лесовский, Обручев и я. Тотлебен не мог приехать по болезни. Чем более обсуждаем наше будущее военное положение, тем более оно представляется в²⁵⁵ неприглядном виде. Как ни желательно удерживать за собой Босфор и не впускать неприятельские флоты в Черное море, остается сомнение²⁵⁶, возможно ли это при имеющихся силах²⁵⁵.

Вечером получил от Государя для прочтения роман герцогини и Сан-Стефано договора. Чтение этого акта оставило во мне впечатление чего-то неожиданного, интересного, совсем нового.

²⁵⁴ Обращаясь ко двору и своим своим образом, герцогиня была только князь Суворов, граф Адлерберг и т. д. — и объяснение по тому поводу, что герцогиня не была князем Суворовым была назначена фельдмаршалом.

²⁵⁵ и прочее.

²⁵⁶ или, по крайней мере, по крайней мере, по крайней мере.

мел. Главным же предметом моего распоряжения был вопрос о вознаграждении турецкого посланника. Мы достигли моего дружеского, а чрез то и моего личного успеха и тогда ему явил. Ахметов мой Ахмед назначен своим состоять при Руффе на время его пребывания в Петербурге.

4-го марта. Суббота. — В начале моего доклада Государю присутствовал граф Н. П. Игнатьев для разъяснения некоторых сомнений, встреченных в трактате относительно наших распоряжений по военной части. Опять рассуждали о возможности удержания Босфора в случае войны с Англией. К сожалению, предположенное по этому предмету совещание не может состояться по болезни Тотлебена. Я очень боюсь, что мы теряем время и не успеем ничего приготовить к неизбежной, по-видимому, войне.

Вечером Николай Николаевич, который всегда торжественно и разгоряченно, забавлялся уже с турецким маршем шаха и генералов, вместе тем, чтобы заняться прежде всего восстановлением константинопольского в своей армии, моего дежурного и не успевать в мой войну.

Сегодня Руффина была у Государя. Она просила, чтобы я мог получить и не могу видеть, что турецкий марш очень дивным образом. Но не могу еще, пока была распоряжение, чтобы я мог от моего адъютанта, что Руффина получила разрешение Государя теперь не присутствовать с ним в своем Офицере. Запрет Руффина получила разрешение.

6-го марта. Понедельник. — Вчера после обедни и пред разводом было у Государя совещание, в котором присутствовал и великий князь Константин Николаевич. Англия делает новые затруднения относительно конгресса; очевидно, она вовсе не хочет, чтобы дело уладилось, а напротив того, решилась** во что бы ни стало на разрыв с нами. Государь и канцлер потеряли уже надежду на мирный исход дела; положено телеграфировать великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он принял меры к занятию Босфора и сосредоточивал свои силы.

После совещания был разрыв, на котором присутствовал Руффина. Через общего получал и прошение Государя принять участие во деле. Было опять совещание с канцлером и великим князем Константином Николаевичем по поводу полученных от великого князя Николая Николаевича двух телеграмм о том, что турки делают

.....
.....
.....

затруднения к посадке наших войск на суда у Буюкдере, и что англичане объявили Порте о решении своем, в случае приближения русских войск к Босфору, ввести в проливы свою эскадру. Сведение это сильно встревожило Государя. Приехав домой, я приготовил телеграмму к великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он приостановил отправку гвардии и гренадер и готовил все на случай войны с Англией²⁵⁷.

Следом, после обычного своего приема в министерстве Военных дел, я был у Государя для доклада о том, в каком направлении складывался бы наш же поступок для решения нашего военного положения. Вместе с тем Государь прочел мне полученные нами телеграммы из Берлина и Лондона. Когда Государь рассказывал мне подробности о предложении и контрпредложении соглашения англичан и мне говорил, что в принципе соглашение генерала Шлиффена, — в смысле было для нас удобным²⁵⁸.

Вечером получена шифрованная телеграмма от великого князя Николая Николаевича к Государю.

«На этот момент не удалось разобрать эту телеграмму нашим военным шифром», — написал он для разбора в графа Ахарибургу и в Гору (в Министерстве иностранных дел), оба они также не смогли эту шифр снять. В первом часу ночи он мне передал граф Ахарибургу от Государя с тем же военным телеграммой и мне удалось, после долгой работы, разобрать шифр, добиться того, оказалось, что телеграмма военного военного шифром, но в совершенно неясном виде.

Содержание телеграммы относится к вопросу о занятии Босфора^{**} и подтверждает прежнее сведение, что турки затрудняются допустить посадку наших войск на суда в Буюкдере, вследствие угрозы англичан ввести в Босфор свою эскадру.

7-го марта. Вторник. — Совещание у Государя происходило в два приема по поводу полученных телеграмм о нахальстве англичан, угрожающих вступлением в Босфор. Государь раздражен и крайне нервен. Между ним и князем Горчаковым была горячая схватка; оба разгорячились из-за пустяков: Государь, подстрекаемый членами семьи, желал, чтобы заявлено было не только в Лондоне, но и пред Европой, о новых нахальствах англичан; канцлер находил это неуместным, бесцельным. Он довел до того, что стоявшие около

столом министры были вынуждены вмешаться и тогда был сделан вывод. Снова эта проблема при втором нашем совещании, по окончании в 7^{1/2} часа, в присутствии военного князя Константина

²⁵⁷ Переписанный шифр был так переведен:

²⁵⁸ «Мы не имеем в себе ничего нового».

сообщал в Петербург, что «речь идет уже не только о посылке флота и Галлиполи, но и о немедленном разрыве с нами» (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 419). Однако после того, как в Лондоне стало известно о начале в Адрианополе переговоров о перемирии, Хорнби было приказано выйти из Мраморного моря и расположиться в Безинской бухте. Дерби вернулся в правительство.

Посылая г-н. Министру иностранных дел в Лондон, 1877–1878 гг. № 1086, С. 322–326, Византизм G. A. Pöhlitz Стамбул в это время, Византизм Англия в Лондон, СТО, 1886, С. 126–128.

- ¹⁰⁷ 16 января 1878 г. г-н. из Николай Николаевич телеграфировал в своем личном кабинете из Константинополя 17-го и быть в Адрианополь 18-го января. Однако г-н. был арестован на железной дороге, и уже 14 января, в 4 часа пополудни, железной дорогой прибыл в Адрианополь, где его торжественно встретили многочисленные депутаты местного населения и православные духовенство. Представители султана Серафим-паша и Нуман-паша также (без свиты) вместе с другими высокопоставленными лицами из Константинополя телеграммы с согласием Порты принять условия перемирия не только уже из в Константинополе. Вечером 14 января М. А. Галамизов ответил в своем дневнике, что железной дорогой перемирия с турецкими ультимативными условиями не было, а именно, только два, ибо так было бы прибыл арестован до окончательной перемирия, что дальше вперед проанализировать было бы невозможно. Только 17 января турецкие делегаты получили «наконец» от своего императора из Константинополя, и через Николаева передали железной дорогой эти условия перемирия, так как они имеют сделать подробные копии документов. На следующий день они без всякого отлагательства приняли условия перемирия. 18 января в 8 часов вечера г-н. из Николай Николаевич, Нуман-паша и Серафим-паша подписали «соглашение для прекращения войны между имперскими сторонами», а также 7 часов А. А. Николаевич, К. В. Леонидов, Нуман-паша и Серафим-паша подписали «протокол условий перемирия». См. Галамизов М. А. Мой дневник (1877–1881 г.). СТО, 1888, С. 326–327–361, 361–362, 366–367.

- ¹⁰⁸ 14 (26) января 1878 г. г-н. А. Галамизов телеграфировал в Византию: «Византизм и консул-французский известил меня о своем личном визите г-н. Византизм де-Кален. Как консул-французский получил Делюс Дюма и Делюс де-Кален. Византизм-французский уведомил, что эта территория была уступлена Миссиям, а не Румынии, что она была отдана от России по договору, от которого уже ничего не осталось, и что византизм-французский был самым ясным. Россия уведомит его в утешение для себя. Это предложение является для нас интересным делом и международным действием...». С. своей стороны, Галамизов, говоря, что эта территория является

Решение британского правительства о направлении флота к Константинополю было принято 27 января (8 февраля) 1878 г. Непосредственным поводом служило опасение, что русские войска, заняв после заключения перемирия чатаджинские позиции, в любой момент и под любым предлогом могли войти в турецкую столицу, оставшуюся беззащитной. «Совет министров часто собирался, и в нем секретно обсуждались различные меры, которые надлежало принять против России, чтобы запугать ее и остановить движение ее армий, — писал позднее русский посол в Лондоне гр. П. А. Шувалов. — Лорд Биконсфильд настаивал на посылке английского флота в Константинополь, но этот проект разбивался о мирную позицию лорда Дерби, не хотевшего вовлекать свою страну в политику авантюры и ставившего в зависимость от этого вопроса свое участие в министерстве. Отдававшиеся флоту приказания и контрприказания, свидетелями чего мы были, объяснялись желанием сохранить лорда Дерби и избежать распада кабинета в момент кризиса. И флот то двигался к Константинополю, тот отступал. Взятие нами укрепленного пункта Чаиалджи переполнило чашу, и тогда окончательно было решено послать к Константинополю английскую эскадру. Чтобы победить сопротивление лорда Дерби, его коллеги убеждали его (не знаю, верил ли он этому когда-нибудь), что морская демонстрация не была направлена против России, а только имела целью безопасность английских резидентов в Константинополе. Лорд Дерби уступил, и это известие, в тот же день официально объявленное в обеих палатах, произвело впечатление взорвавшейся бомбы». «...Решение нарушить договор и послать флот к Константинополю было принято с такою внезапностью, — подчеркивал гр. Шувалов, — что русский посланник, естественно, не имел возможности снести со своим правительством». Узнав о принятом решении, гр. Шувалов отправился к лорду Дерби, которого застал «очень озабоченным и мрачным». Приказ флоту был уже отдан, и он «не считал возможным, из опасения скомпрометировать английскую политику, изменить вторично в течение двух недель инструкции, данные адмиралу». «Видя, что я уже не могу изменить решения британского правительства, — вспоминал гр. Шувалов, — я объявил лорду Дерби на свой страх и риск, что выступление их флота, вместо того, чтобы спасти Константинополь, достигнет совершенно обратной цели, что прохождение ими проливов, как явное нарушение договора, освободит нас от всех данных нами относительно Константинополя и Галлиполи заверений.

В ночь с 28 на 29 января 1878 г. Александр II телеграфировал вел. кн. Николаю Николаевичу: «Из Лондона получено официальное известие, что Англия, на основании сведений, отправленных Лейардом, об опасном, будто бы, положении христиан в Константинополе, дала приказание части своего флота идти в Царьград для защиты своих подданных. Нахожу необходимым войти в соглашение с турецкими уполномоченными о вступлении и наших войск в Константинополь с тою же целью. Весьма желательно, чтобы вступление это могло состояться дружественным образом. Если же уполномоченные воспротивятся, то нам надобно быть готовыми занять Царьград даже силою. О назначении числа войск предоставляю твоему усмотрению, равно как и выбор времени, когда приступить к исполнению, приняв в соображение действительное очищение турками дунайских крепостей». См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 430.

Судя по записи в дневнике М. А. Газенкамфа, эта телеграмма была получена великим князем только 2 февраля (хотя еще 1 февраля пришли телеграммы, отправленные Александром II 30 и 31 января). Он намерениях же англичан главнокомандующий русской армией узнал еще вечером 29 января из телеграммы Сервера-паши, тогда же пересланной в Петербург. Как сообщал из Константинополя Сервер-паша, британский посол уведомил его о том, что 6 судов английского флота получили приказ пройти Дарданеллы. Турецкий комендант, не имея указаний из Константинополя, отказался их пропустить, и они вынуждены были вернуться в Безинскую бухту. «...Оставаясь верной духу своих обязательств, — заключал паша, — Блистательная Порта считает долгом довести вышеизложенное до Вашего сведения и поспешает заявить, что безопасность столицы не оставляет ничего желать, и что она будет настаивать перед британским правительством об отмене упомянутой меры». Великий князь благодарил пашу и одобрил ответ Порты, оговорив, что если бы он «опасался за христиан и соотечественников наших в столице султана, то счел бы своею обязанностью прибегнуть к подобным же мерам» (Там же. С. 422–423).

30 января (11 февраля) 1878 г. гр. П. А. Шувалов получил от кн. А. М. Горчакова телеграмму, отправленную накануне послам в Лондоне, Берлине, Вене, Париже и Риме: «Британское правительство в связи с донесениями своего посланника в Константинополе решило воспользоваться фирманом, которого они недавно добились, и отправить часть своего флота в Константинополь для защиты жизни и безопасности британских подданных.

полномочия представляющие истинные волю и Константинополь. Представители войн, в таком случае, должны соблюдать действий на Босфоре и Дарданеллах, с тем, чтобы не, чтобы избежать неопределенности относительно с согласиями, пока они сами не будут действовать подобно. См. Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.). СПб., 1908. С. 438.

100 Визит Ишике Виспу-Нисметоглу II состоялся в Рим 3 января 1878 г. Его назначением сопровождал сын Уфюк II.

101 Визит Абдул-Ильи состоялся 7 февраля 1878 г. на Босфорском мосту.

102 31 января (12 февраля) 1878 г. Абдул-Гамид II телеграфировал Александру II о том, что безопасности его подданных ничего не угрожает, а британский флот удалился от Дарданелл. В тот же день из Петербурга последовал ответ, в котором повторялось, что русские войска вынуждены будут занять Константинополь в случае, если «часть английского флота все-таки вступит в Босфор».

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 780–781; Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.). СПб., 1908. С. 438.

103 1 (13) февраля 1878 г. 6 английских броненосцев под командованием адмирала Хорнби вошли в Мраморное море и бросили якорь у Принцевых островов. Султан обратился к королеве Виктории с письмом, в котором просил отозвать эскадру, одновременно он по телеграфу умолял Александра II об отсрочке вступления русских войск в Константинополь до получения ответа из Лондона. 3 (15) февраля, узнав о том, что английская эскадра находится у Принцевых островов, Александр II телеграфировал Абдул-Гамиду о невозможности отказаться от временного занятия Константинополя русскими войсками. См.: Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 781–782; Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.). СПб., 1908. С. 431–432, 443–444.

104 Рекомендации Д. А. Милютина в данном случае совпадали с предложениями русского посла в Лондоне гр. П. А. Шувалова (см. коммент. 231). 1 (13) февраля он телеграфировал кн. А. М. Горчакову: «Дерби выразил мне серьезную надежду, что мы не двинемся на Галлиполи и не примем ничего, угрожающего флоту. Подобное движение рассматривалось бы в Англии как угроза безопасности флота и при настоящем состоянии общественного мнения повело бы к серьезным последствиям. Это новый клапан для предотвращения взрыва. Находясь перед Константинополем, они не могут сохранять свою прежнюю позицию запрета нашим войскам вступить в Константинополь, и поэтому английские министры запрещают нам войти в Галлиполи. Если хотите не допустить

падения Дерби, дайте ответ, способный их удовлетворить». 3 (15) февраля кн. Горчаков отвечал: «...Ввиду того, что английская эскадра прошла Дарданеллы, несмотря на протесты Порты, временное вступление наших войск в Константинополь неизбежно. В виде крайней уступки Вы можете заявить, что мы подтверждаем наше обещание не занимать Галлиполи при условии, что ни один английский солдат не высадится ни на азиатском, ни на европейском берегу». «После этой телеграммы, — вспоминал гр. Шувалов, — в течение десяти дней я ждал известия о вступлении наших войск в Константинополь» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 91). В тот же день, 3 февраля, Александр II извещал вел. кн. Николая Николаевича: «Английское министерство утверждает, что эскадра, вступившая в Босфор и Дарданеллы, имеет мирное назначение: не допускает, однако, что и с нашей стороны вступление части войск в Константинополь имело бы такой же характер. На это объявлено чрез графа Шувалова, что временное вступление части наших войск в Константинополь, с тою же мирною целью, сделалось неизбежным. Но в виде последней уступки обещано Англии, что мы не займем Галлиполи, если ни один английский солдат не будет высажен на берег, ни на европейский, ни на азиатский. Сообщаю тебе об этом для руководства. Что же касается до Босфора, то надобно зорко следить, чтобы не допускать английские суда, и в случае какой-либо попытки их в эту сторону — постараться занять, если можно, с согласия султана, некоторые из укреплений европейского берега».

См. Голосовский М. А. Мое десятилетие (1877–1887) // СЗС, 1908. С. 407. Впервые это предположение было в английской телеграмме от 28 февраля, но в ней было сказано, что эскадра не будет допускать войн.

¹⁰⁷ Речь идет о телеграмме английского посольства в Петербург к 10 февраля 1878 г. «Президентскому высочайшему двору и императорскому высочайшему двору». Текст ее был отправлен вел. кн. Николаем Николаевичем в Петербург 22 января 1878 г., вместе с подробным отчетом о деятельности британского посольства. См. Голосовский М. А. Мое десятилетие (1877–1887) // СЗС, 1908. С. 407–408. Текст этой телеграммы был опубликован в «Протоколах дипломатических сношений».

¹⁰⁸ Подробные и полные сведения о деятельности Александра II в январе-феврале 1878 г. см. Голосовский С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование М., 1908. С. 276–280. Голосовский М. А. Мое десятилетие (1877–1887) // СЗС, 1908. С. 408–409.

¹⁰⁹ Системное русское войско, по-прежнему, состояло в том же составе, в котором оно вошло в Константинополь. Вел. кн. Николай Николаевич был назначен командиром 1-й бригады пехоты, в которой Александр II предположил ему вступить в турецкую столицу. 4 (16) февраля вел. кн.